

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327.8

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-40-52](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-40-52)

Политические науки

Генезис славянского мира – перспективы и ограничения современного славяноцентрического политического дискурса

Часлав Данилович Копривица ✉

Белградский государственный университет, Белград, Сербия
chaslav.koprivitsa@yandex.com, <https://orcid.org/0000-0002-9548-6597>

Аннотация. В статье рассматривается генезис и современное состояние славянского мира как политико-идентичного конструкта, возникшего в первой половине XIX в. в ответ на цивилизационную стигматизацию славян со стороны романо-германского мира. Автор анализирует «славянский поворот» как форму рефлексивной эмансипации, которая, однако, несет в себе риск сохранения зависимости от западного дискурса через негативную самоидентификацию – отрицая их негативный образ славян. Особое внимание уделяется эпистемической и эмоциональной гегемонии Запада, которая, по мнению автора, продолжает определять восприятие славянских народов как внутри их собственных обществ, так и в международных отношениях. На примерах Польши, Хорватии, Украины, Черногории, Болгарии и Боснии и Герцеговины демонстрируется наличие внутриславянских расколов, «квазинациональных контриденностей» и коллаборационистских позиций, препятствующих формированию устойчивой всеславянской установки. В работе также обсуждаются различия в восприятии мусульманского мира между Россией и Сербией как системное ограничение для

выработки общей славянской политической позиции. В статье придается особое значение категории «субалтернизированных народов», заимствованной из постколониальной теории, но получившей оригинальную интерпретацию: под ней автор понимает те славянские общества, которые, борясь за «общеевропейские ценности», фактически воспроизводят колониальное отношение к себе самим, становясь орудиями внешнего управления другими, «отсталыми» славянскими народами. Делается вывод, что без «дискурсивной суверенизации» славянских государств и преодоления интернализованных западных стереотипов концепция славянского мира рискует остаться абстрактным политическим дискурсом, лишенным конкретного содержания и эффективной субъектности.

Ключевые слова: славянский мир, панславизм, эпистемическая гегемония, эмоциональная гегемония, рефлексивная эмансипация, славянская идентичность, антиславянизм, русофобия, квазинациональная идентичность, дискурсивная суверенизация, цивилизационный коллаборационизм, внутриславянские конфликты, геополитическая идентичность, славянофобия, субалтернизация, историческая инструментализация, славянофильство, западничество, национальный дискурс, постколониальная теория

Для цитирования: Копривица Ч.Д. Генезис славянского мира – перспективы и ограничения современного славяноцентрического политического дискурса // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 3(21). С. 40-52, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-40-52](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-40-52)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-40-52](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-40-52)

Political Sciences

The Genesis of the Slavic World: Perspectives and Limitations of Modern Slavocentric Political Discourse

Chaslav D. Koprivitsa ✉

Belgrade State University, Belgrade, Serbia
chaslav.koprivitsa@yandex.com, <https://orcid.org/0000-0002-9548-6597>

Abstract. The article examines the genesis and current state of the Slavic world as a politically identical construct that arose in the first half of the 19th century in response to the civilizational stigmatization of the Slavs by the Romano-Germanic world. The author analyzes the “Slavic turn” as a form of reflexive emancipation, which, however, carries the risk of remaining dependent on Western discourse through negative self-identification – by negating of their negative image of the Slavs. Special attention is paid to the epistemic and emotional hegemony of the West, which, according to the author, continues to determine the perception of Slavic peoples both within their own societies and in international relations. The examples of Poland, Croatia, Ukraine, Montenegro, Bulgaria, and Bosnia and Herzegovina demonstrate the presence of intra-Slavic schisms, quasi-national counter-identities, and collaborationist positions that hinder the formation of a stable pan-Slavic attitude. The paper also discusses the differences in the perception of the Muslim world

between Russia and Serbia as a systemic limitation for developing a common Slavic political position. The article attaches special importance to the category of “subalternized peoples,” borrowed from postcolonial theory, but given an original interpretation: by it, the author understands those Slavic societies that, while fighting for “pan-European values,” actually reproduce the colonial attitude towards themselves, becoming instruments of external control of other “backward” Slavic peoples. The conclusion is drawn that without the discursive sovereignty of Slavic states and overcoming internalized Western stereotypes, the concept of the Slavic World risks remaining an abstract political discourse devoid of concrete content and effective subjectivity.

Keywords: Slavic world, pan-Slavism, epistemic hegemony, emotional hegemony, reflexive emancipation, Slavic identity, anti-Slavism, Russophobia, quasi-national identity, discursive sovereignty, civilizational collaboration, intra-Slavic conflicts, geo-political identity, Slavophobia, subalternization, historical instrumentalization, Slavophilism, Westernism, national discourse, postcolonial theory

For citation: Koprivitsa Ch.D. The Genesis of the Slavic World: Perspectives and Limitations of Modern Slavocentric Political Discourse. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2026; 3(21): 40-52, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-40-52](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-40-52)

Введение

Статья посвящена критическому переосмыслению феномена «славянского мира» как политико-идентичного конструкта, возникшего во втором периоде Нового времени и переживающего в наши дни новую актуализацию на фоне геополитических сдвигов. Автор исходит из предпосылки, что панславизм первой половины XIX в. представлял собой не просто идеологическое течение, но фундаментальный рефлексивно-идентичностный поворот, посредством которого славянские народы предприняли попытку выйти из пассивной роли объектов западной цивилизационной стигматизации и обрести собственную субъектность. Однако, подчеркнем, этот поворот был сопряжен с внутренним противоречием: славянская самоидентификация нередко строилась по принципу «отрицания отрицания», что сохраняло ее концептуальную зависимость от западного дискурса власти, делая ее реактивной, а не автономной.

Материалы и методы

Аналитической линией исследования выбран тезис о сохраняющейся эпистемической гегемонии Запада над славянскими обществами, которая в современных условиях трансформируется в более тонкую форму – эмоциональную гегемонию. Под последней автор понимает способность неславянских центров силы целенаправленно формировать коллективные аффекты и идентификационные установки внутри славянских государств и народов, добиваясь их добровольного интеллектуального и политического подчинения. Особое внимание уделяется феномену «славянского цивилизационного коллаборационизма» – ситуациям, когда

часть славянских народов (или их элит) сознательно принимают антиславянские нарративы, возникшие за пределами славянского мира, и транслируют их на другие славянские народы, выступая в роли «лжесвидетелей» в пользу западной якобы «цивилизационной миссии» между славянами.

Эмпирическую базу статьи составляют кейсы ряда славянских стран, демонстрирующие как разнородность современных славянских политических ориентаций, так и глубокую укорененность внутриславянских расколов.

Результаты исследования

В первой половине XIX в. панславизм предлагался как ответ не только на вопрос о происхождении и идентичности славян, но и на проблему определения их будущего, то есть на то, как им следует себя вести и куда им исторически следует двигаться. Третьим, значимым моментом этой рефлексивно-идентичностной славянизации народов стал поворот в их самосознании, в смысле несогласия с уже широко устоявшейся антиславянской цивилизационной стигмой среди романских и германских народов (исторически ранее славян вошедших в греко-римский духовный мир), которые до тех пор – и часто даже до сих пор – рассматривали славян как неполноценно цивилизованных.

Следовательно, славянский поворот происходит на уровне самоидентификации по крайней мере части славян, воплощая таким образом исторически проявленное стремление приписывать славянству априори положительные (а не наоборот – априори отрицательные) «идентичные» атрибуты и коннотации, как это, скорее по умолчанию, было принято в (неславянской) Европе до этого. С созданием славянского мира произошел решающий разрыв с ролью пассивного объекта, лишь терпящего западную, зачастую не очень доброжелательную, эпистемическую гегемонию¹. Но такая реакция все-таки несет в себе опасность того, что объединение под названием «славянского мира» окажется лишь (номинальным) собранием обиженных по этническому признаку. Таким образом, наше славянское «наименьшее общее кратное» останется в основном по-прежнему отрицательным – как наше, всеславянское отрицание отрицательного отношения Запада к нам, заставляя нас (лишь иным образом) оставаться в зависимости от него.

Но несмотря ни на что, это изменение означало конец согласия – тоже по умолчанию – со своей ролью цивилизационно незрелых, далеких и непонятных «родственников» с европейского Востока, которые должны были навсегда остаться в «школе цивилизации», где так называемый «романо-германский мир» вечно служил бы неприкосновенным образцом и учителем. Напротив, в будущем славянство должно было обозначать временную, содержательную, всеобъемлющую рамку для

1 В связи с этим см.: [1–5; 7].

предоставления ответов на вопрос о собственном историческом пути к цивилизации, а именно – к цивилизации славянского стиля.

Термин «славянский мир» появился и набрал обороты в стране, накопившей в этот момент наибольшую физическую и духовную силу, а следовательно, и уверенность в себе, в которой, с другой стороны, были наиболее недовольны удержанием славян в гегемонистско-представительном пространстве «недоцивилизованных». Этот путь рефлексивной эмансипации был неизбежен для России времен модерна. Понятно, что уже тогда славянский поворот вызвал различные отголоски в мире славян. В любом случае, отнесение кого-то из мира славян (в номинальном значении) к Славянскому миру (в нормативном значении) не обязательно имело место с такой «подчеркнутой» славянизацией его идентичности.

Это относится и к настоящему времени. Поэтому даже сегодня в большинстве славянских государств трудно говорить о наличии для их представительной славянской цивилизационной, а следовательно, и политико-исторической перспективы, и, таким образом, о подлинно славянской установке. Даже в тех странах, где отчетливо ощущается нечто, что, пусть и условно, можно назвать политическим славянством, – и там окружающий мир наблюдается не славянскими глазами, а скорее мы делаем это прежде всего, причем в лучшем случае – как русские, как сербы, как белорусы, как словаки, осознавая только потом, что наши взгляды сходятся. Таким образом, приходится говорить скорее о славянизации апостериори, а не априори.

Только на основе этих первичных национальных установок возможно последующее, вторичное, их совпадение, из которого можно сделать выводы о необходимости межславянской гармонизации политических действий в международных отношениях. В этом смысле на данном этапе речь может идти лишь о замене интегральной славянской установки консенсусным гибридом различных национальных позиций, интенционально внутри себя признающимися представителями славянского мира. Поэтому заранее это не может быть очевидно подходящее проявление славянской установки в каждой реальной ситуации; это должно быть достигнуто только посредством внутриславянского согласования, если это возможно, и если различные славянские страны проявят интерес к ней.

Кроме того, вышеупомянутая эпистемическая гегемония Запада, в частности, над славянским миром, далека от этапа преодоления – даже в тех славянских странах, которые в настоящее время наиболее склонны к «политическому славянству» (полит-славизму), включая в том числе и саму Россию. Но среди славян преимущественно противоположного толка упомянем, пожалуй, два наиболее ярких примера: поляков и хорватов, – укоренились исторические и политические взгляды, которые не только не склоняются к внутриславянской солидарности и сотрудничеству, но и часто всеславянскую перспективу рассматривают на фоне некоторых интериоризованных антиславянских предрассудков, зародившихся первоначально за пределами славянского мира. Межславянская ксенофобия часто является следствием «импортированного», а потом к другим, «недоразвитым», славянам – трансгрессивного славянского автошовинизма.

А он, проявляющийся не только по отношению к другим славянским народам, но и к как «субалтерными», представляемым внутри собственных наций (например: «ватники» на Украине), является противоположностью аффективно-эмоциональной отзывчивой рецепции культурно-имперского дискурса превосходства над славянами со стороны романо-германской «метрополии». На этом основании он может по своему усмотрению – и в связи с текущей геополитической повесткой – дискурсивно «субалтернизировать» славян в целом, как это не раз было в прошлом, или, как это делают сейчас, провозглашать некоторых из них, даже тех, кто был едва известен до вчерашнего дня (например, украинцев), «авангардом европеизма» в противовес другим славянам, которые представляются олицетворением «варварства», например, сегодняшним русским. Аналогичным образом, именно романо-германский мир до половины XIX в. считал хорватов в лучшем случае народом второго сорта, дабы с тех пор, с стратегическим поворотом, начали их идеологическую мобилизацию как якобы *antemurale Europae*, пользуясь ими как противовесом «сербской опасности» для цивилизации. То, что часть славян готова погибать за так называемые «европейские ценности», основой которых является по меньшей мере латентный антиславянский цивилизационный шовинизм, – это последняя известная форма эпистемической гегемонии, кульминирующая в своего рода эмоциональной гегемонии.

Это наглядно видно из следующего примера:

Американский судебный психолог, участвовавший в Нюрнбергском процессе над нацистскими военными преступниками, писал в своем дневнике, что большинство подсудимых были явно потрясены, когда им показали американский документальный фильм о концлагерях: некоторые опускали глаза, другие вздыхали, а позже единодушно обвиняли Гитлера и Гимmlера в том, что те спланировали преступный заговор за их спинами. Однако, когда им позже показали советский документальный фильм об ужасных преступлениях на Восточном фронте, большинство из них оставались равнодушными – и не только из-за сомнений в достоверности советских источников. «Но это было на Востоке», – говорили они, размахивая руками [6, р. 294].

Этот случай чрезвычайно показателен. Отрицание достоверности советских документальных материалов, даже когда они содержали вполне очевидные доказательства, происходило не только из априорного недоверия к тому, что можно назвать «большевистской пропагандой». Это была тенденция не верить всему, что говорит человек с Востока, в данном случае – русский. И это имеет доэмпирическую, эпистемическую предпосылку, согласно которой европейский порядок ценностей, культур является действительным, на почве которого становится и вторичный, из первого, по национальному признаку вытекающий порядок внутривосточных утверждений, оценок и знаний. На самом низком уровне этого европейского порядка находятся славяне, особенно православные. Однако крайне важно, что этот неявный порядок ранжирует не только ценность и достоверность знаний с учетом их узкого культурного происхождения, но и функционирует на основе того же ранжирования

ценностей жизни людей из соответствующих культурных областей. Одним словом, степень, в которой определенные культурные регионы создают убедительную и достаточно достоверную для Запада речь, как-то определяет ценностную шкалу жизни людей, которые из них происходят.

Однако самый важный момент в этом очерке скрыт за фразой: «Это было на Востоке»... Что на самом деле означает это в данном утверждении? Нечто, что, безусловно, в какой-то форме произошло, но чей не только эпистемический, но и моральный статус с точки зрения цивилизационно превосходящего Запада по отношению к славянам «трудно определить», поскольку информация и знания о произошедшем на Западе заранее «загрязнены» для них непоправимо подозрительной славянской перспективой. Дело не только в возросшем недоверии к славянским источникам, а скорее в том, что в случаях с однозначно убитыми славянами термин «преступление» используется гораздо осторожнее и сдержаннее – о соболезовании уже совсем не говоря. И то, и другое объединяет предпосылка низкого уровня цивилизации славян. Таким образом, возможно «короткое замыкание» между недоверием и презрением – не только к славянским заявлениям, мнениям, но и к славянским жизням. Таким образом, предвзятая «цивилизационистская» классификация превращается в имманентно преступную «логику» биокультуральной дискриминации. Этот аналитически сложный для распутывания клубок славянофобских предрассудков свидетельствует о романо-германской эндемичной идиосинкразии (которая, по правде говоря, не является закономерностью без исключения) по отношению к миру славян, который в «Первой Европе» нередко порождал и порождает своеобразную смесь постоянного раздражения и дискомфорта.

Внутри такой эпистемо-гегемонистской конструкции принявшие ее славяне, славяне – цивилизационные коллаборационисты, играют ключевую роль, а именно – роль ее «лжесвидетелей», демонстрируя в том числе, что, например, геополитическое вклинивание на Восток больше не является якобы *Drang nach Osten*, а представляет собой своего рода борьбу за Европу, основанную на правах человека и «цивилизационных стандартах». И по сути, этот вопрос сводится к эффекту на уровне цивилизационно бессознательного, антиславянско-антиправославного, протонацистского, т.е. резидуально нацистского момента в германском, и в гораздо меньшей степени – в романском мире, который проявляется снова и снова через регулярные исторические промежутки – когда Запад больше не может самостоятельно, без фигуры воображаемого внешнего врага, справиться со своими цивилизационными противоречиями. А это, между прочим, была одна из глубинных причин Первой мировой войны. И потому проявляются острая симптоматика глубоко декадентской цивилизации, которой не хватает сил и мужества, чтобы распознать настоящего врага – где бы и кто бы он ни был – и вместо этого она изобретает ложного.

Упомянутая выше эмоциональная гегемония сводится к способности имперского Запада целенаправленно и рационально формировать коллективные эмоции в определенных частях мира славян, что в конечном итоге может коренным

образом воздействовать на их идентичность. Но именно эти славяне, чьи сердца бьются за геополитически мотивированные идеологические конструкции неславянского мира, представляющие себя как «общие ценности», являются реальным доказательством глубокой исторической хрупкости и коллективной незрелости таких групп. Они являются весьма отзывчивыми для таких манипуляций именно из-за внешней зависимости их идентичности, что дает резидуально-коллаборационистский оттенок осуществлению их национальной идентичности. «Субалтернизированные народы», в частности славяне, борющиеся за «ценности», основанные на дискурсивном господстве Запада и превращающиеся в реальную власть посредством этой борьбы, являются окончательной метаморфозой духовного колониального превосходства над ними. А «операторы» их идентичности никогда не будут считать их равными – именно, между прочим, потому, что они пригодны для такой (псевдо)исторической инструментализации.

Следовательно, подобный общий антиславянский ментальный вектор на практике среди некоторых славянских народов, а также среди отдельных представителей всех славян легко приобретает антирусские или антисербские коннотации, поскольку в разных частях мира славян эти два народа признаются лидерами, даже если и иногда лишь «инстинктивными», в стремлении к самобытности славянской коллективной идентичности и даже цивилизационной автономии. Одним словом, части того, что, по идее, должно принадлежать славянскому миру, – традиционно, не только политически, но и культурно – занимают национально характерную антиславянскую позицию.

Минимальная предпосылка для формирования вышеупомянутой всеславянской установки заключается в том, чтобы смотреть на себя и мир собственными глазами, а не через интернализации взглядов (в)неславянской метрополии духовно колонизирующей части славян. А именно это, помимо двух только что упомянутых стран, характеризует точку зрения большинства не только политической элиты, но и общества в целом, в том числе в Чехии и Словении. Случай Боснии и Герцеговины особенный, поскольку это не только общество, разделенное по признаку цивилизационной идентичности – и не на две, а даже на три части – но и по признаку политической идентичности. Поэтому оно и находится в постоянном кризисе, поскольку это и есть извне навязанное государство, которое лишь относительное мусульманское меньшинство, так называемые «боснийцы», воспринимают поистине своим. Дополнительной спецификой этого несостоявшегося государства является то, что мусульмане, хотя и славянского происхождения и сербоязычные, в подавляющем большинстве предпочитают считать себя частью исламского мира, а не мира славян – и уже совсем не говорят о славянском мире. Напротив, население и руководство Республики Сербской, меньшей по численности, но юридически-институционально равноправной части конфедеративной государственной унии Босния и Герцеговина, всегда готовы продемонстрировать явное предпочтение целостной славянской позиции, что, помимо прочего, свидетельствует о непреодолимом историческо-ментальном расколе внутри этого образования.

Случаи Черногории и Болгарии также показательны по-своему. В первом случае общество разделено не только по линиям Запад / НАТО – Сербия / Россия, но и по линиям традиционной сербской идентичности ее населения, с одной стороны, и политической, внешним вмешательством созданной идентичности «национальных черногорцев» – с другой. Эти два разделения эмпирически, как правило, совпадают, поскольку национальные черногорцы в основном занимают пронаатовские, а следовательно, и антироссийские, и антисербские позиции. Кстати, эта квазинациональная идентичность была «запатентована» в тысячелетней истории Черногории только в 1945 г. коммунистами и вслед за идеями Коминтерна по национальному вопросу, когда впервые было «обнаружено», а затем путем тоталитарной национальной политики и навязано, что коренные жители Черногории якобы больше не являются национальными сербами.

Это осуществлялось в рамках геополитически целенаправленной политики Габсбургов, которые – именно на почве своей эпистемической гегемонии по отношению к южным славянам – действовали подрывно по отношению к миру славян, создавая в нем новые, квазинациональные контриденности посредством искусственного санкционирования региональных особенностей на уровне («новых») коллективных идентичностей. Черногорский случай внешне обусловленного разделения общества структурно весьма схож с украинским примером, хотя работа по формированию национального украинства началась несколько раньше. Кстати, тот факт, что одним из покровителей создания этой антирусской контриденности (помимо Римской курии и Австро-Венгрии) была Польша, то есть второй по численности славянский народ, сам по себе говорит об отчасти и фактической уязвимости разговора о славянском мире.

Что касается Болгарии, то помимо того, что там в той или иной форме до сих пор тлеет локально специфическое разделение на, условно говоря, «славянофилов» и «западников» (как, в конце концов, и в Сербии), ее пример может указывать на некоторые другие ограничения строения славянской политической установки. А именно – в XX в. Болгария трижды атаковала своими войсками Сербию, а в 1999 г., еще до вступления в НАТО, открыла свое воздушное пространство для агрессии против СРЮ со стороны Западной коалиции. Кроме того, она никогда не отказывалась от культуры памяти, согласно которой значительная часть территории восточной и южной Сербии представляет собой якобы подлинно болгарские земли. Поэтому это не просто пережиток прошлого, а то, что до сих пор разделяет нас, и по этому поводу нам, сербам, и нашему восточному соседу очень трудно прийти к согласию, что влияет на существование недоверия в ряде других областей. Это лишь один пример – и таких примеров, безусловно, немало – того, как «трудные» традиции внутриславянских отношений могут стать препятствием для создания устойчивой всеславянской коллективной интенциональности – для начала на культурном, а потом, быть может, и международно-политическом уровне.

Но, пожалуй, еще большей системной проблемой является отношение к мусульманскому миру. Поскольку Россия – сверхдержава с большим мусульманским

населением не только на своей территории, но и в своем ближнем зарубежье, то российское общество рассматривает этот вопрос значительно иначе, чем сербское. В 1990-х гг. сербы вели две войны с мусульманами – сначала с мусульманами Боснии и Герцеговины, а затем с преимущественно мусульманскими албанцами. В обоих случаях они последовательно поддерживались Турцией, включая поддержку захвата Косово и Метохии у Сербии. Поэтому Турция является для нас не только историческим, но и нынешним врагом, и в обозримом будущем вряд ли что-то изменится.

Понятно, что национальные взгляды Сербии и России, как двух отдельных государств неравных размеров и с разной исторической судьбой, не могут быть одинаковыми. Но если наши позиции различаются по такому важному вопросу, то следует понимать, что в некоторых, иногда достаточно немаловажных, случаях проявление общей славянской позиции будет крайне затруднительным. Это проливает свет на более фундаментальную проблему: в конкретных ситуациях отдельные славянские страны не обязательно должны склоняться к какой-либо, гипотетической, типично славянской позиции, так же как, с другой стороны, не обязательно, чтобы общеславянский интерес был отчетливым в каждой соответствующей международной ситуации.

Не следует упускать из виду тот факт, что славянская установка, если состоятельна, должна быть не только узнаваемой, но и эффективной по отношению к неславянскому миру, а также и внутри славянского мира и, что немаловажно, внутри славянских обществ, которые к нему принадлежат. Вопрос о ее реальном содержании – столь же важный, сколь и, по меньшей мере, на первый взгляд достаточно сложный – должен решаться в рамках самого славянского мира. В противном случае славянская установка останется преимущественно оборонительной и в этом смысле реактивно зависимой от цивилизационной агрессивности к этому миру других. Иными словами, тогда окажется, что славянский мир может «существовать» только до тех пор, пока существует активная славянофобия, то есть идентичность славян стала бы заложником произвола иногда и бесчеловечности антиславянского псевдоимпериализма.

В этой статье трудно обойти вопрос о том, какие страны сегодня могли бы быть готовы присоединиться к славянскому миру. В политическом плане – и это главный исторический показатель – это были бы Россия, Беларусь и (в современном состоянии) лишь в некоторой степени Сербия и Словакия. Для последних двух славянство было бы скорее вопросом исторических и культурных традиций, чувства идентичности большинства населения, чем вопросом политической повестки дня. Остальной мир славян политически и по большей части культурно, с частичным исключением Черногории и Болгарии, в данный момент занимает антироссийскую позицию. А русофобия легко перерастает в политическую славянофобию, а следовательно, в интерпретацию самосознания политических сообществ некоторых, преимущественно славянских, стран в каком-то неславянском ключе – пробрюссельском, то есть НАТО-атлантическом, центральноевропейском, исламском, но не всеславянском.

Наконец, для достижения исторической состоятельности славянского мира необходимо лучшее взаимопонимание между его различными частями. Факт, что разные славянские народы зачастую недостаточно хорошо знают друг друга, среди прочего, обусловлено тем, что их общение с окружающим миром – и, следовательно, внутриславянское общение – опосредовано особенностями дискурса западной эпистемической гегемонии. На этой основе славянские народы часто «знают» друг о друге так, как их конструирует западный дискурс власти. В заключение, без дискурсивной суверенизации славянских государств, что в данный момент, но и в обозримой перспективе все еще не кажется очень вероятным, разговоры о славянском мире могут остаться абстракцией модного политического дискурса, отчасти лишенной конкретного содержания. К сожалению.

Выводы

На текущий момент политически готовыми к вхождению в славянский мир как субъектный цивилизационный проект являются лишь Россия и Беларусь, а с определенными оговорками – Сербия и Словакия. Случай Республики Сербской, как конфедеральной, но не обладающей атрибутами государственности в составе Боснии и Герцеговины, совершенно своеобразный. Остальные славянские государства занимают преимущественно антироссийские позиции, что в современных условиях легко трансформируется в политическую славянофобию и замену славянского самосознания альтернативными идентификационными матрицами – пробрюссельской, атлантистской, центральноевропейской или исламской. Без достижения дискурсивной суверенизации и преодоления интернализированных западных стереотипов – и в политическо-культурной элите, и среди населения – разговоры о славянском мире рискуют остаться абстракцией модного политического дискурса, лишенной конкретного исторического содержания и практической эффективности. Статья представляет собой не только аналитический обзор, но и призыв к внутриславянскому диалогу, чтобы славянские народы друг друга не «узнавали» через нарративы западной метрополии, который должен предшествовать любым попыткам политической гармонизации.

Список литературы

1. Delanty G. The Frontier and Identities of Exclusion in European History // History of European Ideas. 1996. № 22(2). P. 93–103.
2. Koprivitsa Ch.D. 'Balkanism' as Discourse(s) of Power(lessness): Towards the Questionability of Narrativism // European Quarterly of Political Attitudes and Mentalities. 2016. № 3(5). P. 56–69.
3. Koprivitsa Ch.D. The Balkans, Europe's Distant Back Yard: Identity – Alterity, Necessity – Arbitrariness // European Quarterly of Political Attitudes and Mentalities. 2013. № 2(2). P. 18–34.
4. Mendieta E. Global Fragments: Globalizations, Latinamericanisms, and Critical Theory. New York: State University of New York Press 2007.
5. Palti E.J. The Problem of 'Misplaced Ideas' Revisited: Beyond the 'History of Ideas' in Latin America // Journal of the History of Ideas. 2006. № 67(1). P. 149–179.

6. Simoniti I. Historia Magistra Mortis. Eseji o Zlu [Historia Magistra Mortis. Essays on Evil] / Sa slovenačkog preveo: Živko Gruden. Adaptacija na srpski jezik: Predrag Rajić. Novi Sad, 2013.
7. Wolff L. Inventing Eastern Europe. Stanford: Stanford University Press, 1994.

Информация об авторе

КОПРИВИЦА Часлав Данилович. Доктор философии. Полный профессор. Факультет политических наук, Белградский государственный университет. <https://orcid.org/0000-0002-9548-6597>. Адрес: Сербия, 11040, Белград, ул. Йове Илича, 165. chaslav.koprivitsa@yandex.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 30 апреля 2026 г. Одобрена после рецензирования: 20 августа 2026 г. Принята к публикации: 25 августа 2026 г. Опубликовано: 1 сентября 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Delanty G. The Frontier and Identities of Exclusion in European History. History of European Ideas. 1996; 22(2):93–103 [In English].
2. Koprivitsa Ch.D. 'Balkanism' as Discourse(s) of Power(lessness): Towards the Questionability of Narrativism. European Quarterly of Political Attitudes and Mentalities. 2016; 3(5):56–69 [In English].
3. Koprivitsa Ch.D. The Balkans, Europe's Distant Back Yard: Identity – Alterity, Necessity – Arbitrariness. European Quarterly of Political Attitudes and Mentalities. 2013; 2(2):18–34 [In English].
4. Mendieta E. Global Fragments: Globalizations, Latinamericanisms, and Critical Theory. New York: State University of New York Press, 2007 [In English].
5. Palti E.J. The Problem of 'Misplaced Ideas' Revisited: Beyond the 'History of Ideas' in Latin America. Journal of the History of Ideas. 2006; 67(1):149–179 [In English].
6. Simoniti I. Historia magistra mortis. Eseji o zlu. / Sa slovenačkog preveo: Živko Gruden. Adaptacija na srpski jezik: Predrag Rajić. Novi Sad, 2013 [In Serbian].
7. Wolff L. Inventing Eastern Europe. Stanford: Stanford University Press, 1994 [In English].

About the author

Chaslav D. KOPRIVITSA. DSc. (Philosophy). A Full Professor. Faculty of Political Sciences, Belgrade State University. <https://orcid.org/0000-0002-9548-6597>. Address: 165, Jove Ilica Str., Belgrade, 11040, Serbia. chaslav.koprivitsa@yandex.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: April 30, 2026. Approved after review: August 20, 2026. Accepted for publication: August 25, 2026. Published: September 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.